

Глава 1

Что стало с пленными красноармейцами в 1920 году?

Сегодня, наверное, нет такого человека, который бы никогда не слышал слово «концлагерь», никогда не видел страшных фотографий, ужасающих кадров кинохроники времен Второй мировой войны и не представляет себе, что такое концлагерь. Но мало кто слышал о том, что наши с вами прадеды узнали слово «концлагерь» за 20 лет до трагических событий Великой Отечественной войны.

...В самом центре Польши расположен городок Тухоля. Небольшой цементный заводик, лес. Имеется своя мусорная свалка. Жители городка даже не подозревают о том, что эта самая мусорная свалка организована на месте, где погибли тысячи русских солдат и командиров: именно там располагался печально знаменитый концентрационный лагерь, ставший символом уничтожения красноармейцев в самом начале 20-х годов прошлого века.

Возникает закономерный вопрос: как они там оказались? И почему об этом так редко говорят?

В европейской повестке исторических вопросов этого эпизода вообще нет. Как это ни прискорбно прозвучит, не обсуждается он и в нашем обществе.

Вообще, в общественном мнении все наше взаимоотношение с Польшей ограничивается 1930-ми годами: договор о ненападении между Советским Союзом и Германией, потом Катынское дело. Лишь очень немногие знают о плане «Прометей» и слышали о судьбе красноармейцев, попавших в польский плен.

Давайте разбираться.

Апрель 1920 года. Начинается советско-польская война. Красная армия с 90 тысячами штыков и сабель сражалась против 80 тысяч польских штыков и сабель. Конечно, сегодня мы все оцениваем по меркам Великой Отечественной войны. А по реалиям 1940-х годов группировка в 80–90 тысяч человек — не самые большие военные формирования. Но в 1920-х это была очень серьезная сила. В кругах русской эмиграции, например, достаточно долго бытовала точка зрения, что для победы над большевиками Антону Ивановичу Деникину не хватило сущей мелочи — 25 тысяч штыков и сабель.

25 апреля 1920 года поляки заняли Киев, и, разумеется, должен был последовать ответ со стороны РСФСР. Западный фронт под командованием

Тухачевского начал наступление на Варшаву, заставив противника заняться перегруппировкой сил. Все было бы, в общем, хорошо, если бы не одна печальная деталь. Наступление было крайне плохо подготовлено. Нам удалось, конечно, достичь определенных успехов: взяли Минск, Вильно. Но Тухачевский не учел массу нюансов, которые в дальнейшем негативно скажутся на всей кампании и закономерно приведут к ее провалу.

Британский министр иностранных дел лорд Керзон в ноте наркому иностранных дел Чичерину предлагает остановить продвижение РККА на линии Гродно — Брест, или, как ее стали называть, линии Керзона. Москва категорически отвергла предложение Лондона, настаивая на необходимости прямых переговоров с Польшей.

Параллельно продолжалось наступление на Варшаву — Львов, хотя два человека категорически возражали против этого. Первым был народный комиссар по военным и морским делам Лев Троцкий, второй — член Реввоенсовета Юго-Западного фронта Иосиф Сталин. Оба этих всем

известных политика указывали на то, что наступление не готово и необходимо действовать иначе. Но Тухачевский в свойственной ему манере критику слушать не захотел. Ему казалось, что победа близка, одним серьезным ударом он сокрушит польское панство и станет самым великим красным полководцем... Тухачевский вообще считал себя таким Бонапартом — неслучайно многие, причем не только в Советском Союзе, но и в русской эмиграции, называли его Красным Наполеоном.

По мере продвижения к Висле сопротивление поляков возрастало. И хотя преимущество в живой силе было на стороне Рабоче-крестьянской Красной армии, Тухачевский не учел возможного контрнаступления войск Пилсудского. А польский маршал, надо отдать ему должное, нащупал слабые места Красной армии и именно туда нанес сокрушительный удар. В результате в августе тылы Западного фронта Тухачевского были разстроены. Больше того, поляки взяли Брест. Все это грозило абсолютной катастрофой. Не случайно в польской историографии эти события

называются «Чудо на Висле» (аналогия с «Чудом на Марне» сентября 1914 года, когда мощная немецкая армия потерпела поражение от англо-французских войск).

Для Западного фронта это была в подлинном смысле трагедия: потери составили 66 тысяч человек пленными и 25 тысяч убитыми. Еще 50 тысяч вынуждены были отступить в Восточную Пруссию, где были интернированы. В результате контрнаступления поляки захватили Белосток, Барановичи, Луцк, Ровно, Тернополь. Развить успех они, правда, не могли, поэтому Варшава приняла решение ограничиться взятыми рубежами и приступить к позиционной обороне. По сути, на этом активные боевые действия на фронте закончились. Начинаются мирные переговоры — сначала в Минске, потом в Риге. В результате 18 марта 1921 года был подписан Рижский мирный договор, о котором мы поговорим отдельно. Пока ограничимся лишь тем, что договором была установлена новая польско-советская граница — она прошла восточнее предложенной ранее линии Керзона, то есть почти по меридиану Пскова.

В Советском Союзе панических настроений в связи с этим не возникло, но все прекрасно понимали драматичный характер этих событий и то, что десятки тысяч красноармейцев оказались в концлагерях. Я не случайно употребляю в этой главе слово «концлагерь» — так описывали эти, с позволения сказать, учреждения современники. Например, генерал Деникин пишет: «Концлагеря с колючей проволокой — скорбные дни национального унижения». Конечно, на тот момент термин «концлагерь» не был широко известен и еще не имел такого ярко выраженного отрицательного подтекста, который у него есть сегодня.

Концлагерь в значении «фабрика смерти» впервые появился именно в Польше в 1920-х годах. В том самом лагере в Тухоле погибли 22 тысячи пленнх красноармейцев. Причем это цифры не советской стороны. Их приводит полковник польского генштаба Матушевский в докладе военному министру в феврале 1922 года.

Народный комиссар иностранных дел Чичерин в 1921 году писал, что погибли 60 тысяч советских

солдат и командиров. Вообще надо сказать, что цифры по количеству пленных очень сильно разнятся: от 157 тысяч человек (по данным доктора исторических наук Мельтюхова) до 216 тысяч (такую цифру приводит генерал Кирилин). При этом не учитываются белогвардейцы, оказавшиеся в тех же самых концентрационных лагерях, и даже украинские националисты, которые сидели по соседству. Но в любом случае, согласитесь, цифры ужасающие.

По данным СССР, из плена вернулись 67 тысяч красноармейцев. Российские историки эту цифру подтвердили, и сегодня поляки ее не оспаривают. Остальные красноармейцы погибли в польских лагерях. Таким образом даже при минимальной цифре 157 тысяч пленных это означает, что в Польше погибли 90 тысяч человек. Полякам такая арифметика очень не нравится, они утверждают, что в плену погибли каких-то 18 тысяч человек — сущий пустяк. Но тогда возникает закономерный вопрос: а куда делись еще 100 тысяч человек? Дело в том, что поляки не фиксировали людей, которые погибли в плену до заключения в концентрационный лагерь. Точно

так же, как и немцы в 1941 году, поляки оставляли раненых на поле боя без помощи, перевозили их до лагерей сбора в буквальном смысле как скот, без еды, воды, медикаментов, и при малейшем подозрении на нарушение дисциплины или неподчинение польским властям русских солдат расстреливали на месте. Этих людей не включают в статистику и современные польские историки. Их как бы и не было.

Давайте откроем доклад о посещении лагерей в Брест-Литовске уполномоченным международного комитета Красного Креста в присутствии врача французской миссии. На тот момент в лагере, который располагался во всем сегодня хорошо известной Брестской крепости, находились 3800 человек. Что же мы читаем в этом докладе?

«От караульных помещений, так же как от бывших конюшен, в которых размещены военнопленные, исходит жуткий запах. Пленные зябко жмутся вокруг импровизированной печки, где горят несколько поленьев, — единственный способ обогреться. Ночью, укрываясь от первых холодов, они тесными

рядами укладываются группами по 300 человек в плохо освещенных и плохо проветриваемых бараках, на досках без матрацев и одеял. Пленные большей частью одеты в лохмотья. Жалобы сводятся к следующему: мы голодаем, мерзнем, когда нас освободят? Следует отметить как исключение, подтверждающее правило: большевики заверили одного из нас в том, что они предпочли бы теперешнюю свою участь участи солдат на войне. Выводы. Этим летом из-за скученности помещений, непригодных для жилья; совместного тесного проживания здоровых военнопленных и заразных больных, многие из которых тут же и умирали; недостаточности питания, о чем свидетельствуют многочисленные случаи истощения; отеков, голода в течение трех месяцев пребывания в Бресте лагерь представлял собой настоящий некрополь. Две сильнейшие эпидемии истощили этот лагерь в августе и сентябре — дизентерия, сыпной тиф. Последствия были усугублены тесным проживанием больных и здоровых. Медперсонал заплатил свою дань инфекции: из двух врачей, заразившихся дизентерией, один умер, из четырех студентов-медиков один умер. Рекорд смертности был поставлен в начале августа, когда в один день от дизентерии скончались 180 человек».